

УДК: 82-94

DOI: 10.31857/S2686673023050036

EDN: CHSYKV

Он всегда оставался настоящим патриотом своей страны

Я поступил в ИСКАН (так в то время назывался ИСКРАН) в сентябре 1972 года после службы в армии в качестве военного переводчика в Египте. Тогда я и познакомился с Георгием Аркадьевичем Арбатовым, который пригласил меня – старшего научно-технического сотрудника, а проще говоря – лаборанта, чтобы расспросить о ситуации в Египте и заодно посмотреть на нового работника. Вряд ли его заинтересовала моя скромная информация, но меня он сразу подкупил своей демократичностью и спокойной деловитостью. Последующие несколько лет я работал в удалении от руководства института и узнал нашего директора ближе только в конце 1970-х годов, когда он стал привлекать меня к выполнению специальных заданий. Запомнилась, в частности, вспомогательная работа вместе с С.М. Плехановым над книгой-интервью голландскому журналисту Виллему Олтмансу «Вступая в 1980-е», санкционированной, как потом стало известно из архивных документов, специальным решением ЦК КПСС. Появилась возможность чаще бывать в научных командировках в США, где я пристрастился к работе в американских архивах, собирая материал для докторской диссертации

Эти годы постоянного общения с Георгием Аркадьевичем и нахождения в гуще институтской жизни стали для меня хорошей школой в профессиональном и человеческом плане. Конец 1970-х – первая половина 1980-х годов вообще были золотым периодом в жизни ИСКАНа. Первоклассных специалистов самых разных областей объединял общий предмет изучения, ощущение престижного статуса своей профессии американиста, причастности к проблемам страны и востребованности своего труда. Кипела научная и общественная жизнь: на заседаниях Учёного совета, защитах диссертаций и даже на партийных собраниях шли оживлённые дискуссии, сталкивались разные точки зрения. Г.А. Трофименко, Б.С. Никифоров, Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов, В.П. Лукин, Г.Е. Скоров, Н.П. Шмелёв, В.В. Журкин, М.А. Мильштейн – таким созвездием ярких имён мог похвастаться не каждый академический институт.

Особенно интересными были так называемые «директорские семинары», на которых выступали приглашённые Георгием Аркадьевичем светила нашей науки и культуры. Новогодние праздники часто встречали всем коллективом с весёлыми капустниками и остроумной стенной газетой. И всё это – под руководством Георгия Аркадьевича, который задавал тон, поощрял свободомыслие и притягивал к себе крупные личности. Авторитет директора был неподдельным и непререкаемым, основанным на глубоком уважении к его знаниям, опыту и высоким нравственным качествам, которые он, впрочем, никогда не выставлял напоказ.

Для меня Георгий Аркадьевич всегда был и остаётся прекрасным представителем поколения фронтовиков, хорошо знакомым мне по моим родителям и их кругу. Война закалила этих людей, но не сломала; они прошли через тяжелейшие испытания, сохранив чувства товарищества, собственного достоинства, верности долгу и радения за благо своей страны, которую они не только защитили, но и восстановили после войны. Таким был и мой отец – почти ровесник Г.А. Арбатова (родился в тот же день двумя годами раньше), тоже капитан-артиллерист, командир батареи, провоевавший на фронте три года.

Особенно хорошо я узнал Георгия Аркадьевича во время своей работы представителем Института США и Канады в Вашингтоне, куда он часто приезжал в служебные командировки. Тогда я целыми днями был неотлучно при нём, занимаясь организацией его программы, сопровождая в поездках, на встречах и выступлениях, помогая с записями бесед и телеграммами в «Центр». Это была очень напряжённая, порой изнурительная работа. В поездках Георгий Аркадьевич сам трудился с особой отдачей и требовал того же от своих помощников. Это не мешало ему проявлять к ним заботу и внимание. Как-то раз в Нью-Йорке у него отменилась вечерняя встреча и, хотя моей вины в том не было, я расстроился, зная, как директор не любит простаивать. Заметив моё состояние, он сказал: «Ты не переживай. Смотри, какой чудный вечер; мы в Нью-Йорке, пойдём прогуляемся, зайдём в корейскую лавку, купим рёбрышек в соусе, виски у нас есть. Посидим спокойно, поговорим». Так мы и сделали, и я до сих пор помню этот по-особому тёплый нью-йоркский вечер в нашей миссии при ООН на 67-й улице. Однако спокойные моменты выдавались редко.

Но это была и очень интересная работа, благодаря которой я узнал об Америке много нового. Встречи директора в Белом доме, на Капитолийском холме и на Уолл-стрит, беседы с ведущими американскими журналистами и экспертами-международниками открывали для меня мир большой политики и большого бизнеса, куда посторонним вход закрыт. По-новому открывался в этом общении и сам Георгий Аркадьевич.

Он всегда оставался настоящим патриотом своей страны, остро переживавшим её беды, прекрасно сознающим её достоинства и изъяны и всегда стремящимся в меру своих сил сделать её лучше. В нём не было академической отстранённости от советской/российской политики и реальности; для нейтрального наблюдателя он слишком близко к сердцу принимал всё происходящее дома и не мог остаться в стороне от активного участия в нём. Это делалось, во-первых, через научную продукцию института и закрытые служебные записки, направлявшиеся в ЦК КПСС и другие вышестоящие органы. Георгий Аркадьевич не просто «подмахивал» эти записки, а тщательно их редактировал, прежде чем отправлять адресату (сказывался его опыт редакторской работы после окончания МГИМО). В этих материалах, как правило, внимание руководства обращалось на полезные стороны американского опыта, новые явления во внутренней и внешней политике США, предлагались конкретные рекомендации. В услови-

ях советской политкорректности некоторые выводы подавались иносказательно, как, например, в целой серии открытых и закрытых материалов о негативных последствиях милитаризации экономики на примере США. Думаю, что, когда будущие исследователи поднимут этот сохранившийся в архивах аналитический пласт, они смогут по достоинству оценить объём и качество работы, проделанной институтом и его директором. Во-вторых, сам Георгий Аркадьевич, многие годы входивший в группу консультантов Международного отдела ЦК и имевший доступ к высшему партийному руководству страны, доносил свои взгляды напрямую, о чём он пишет в своих мемуарах.

В годы перестройки он вынёс эту борьбу в публичную сферу, начав серьёзную полемику с военными по вопросам бюджетных приоритетов и гонки вооружений. Г.А. Арбатов всегда был противником милитаризации экономики, политики и образа политического мышления, последовательно выступая за сокращение вооружений и поиск альтернативных путей обеспечения безопасности, в том числе – за счёт международного сотрудничества. Помню, с каким увлечением он работал в авторитетной международной комиссии У. Пальме, разрабатывавшей концепцию общей безопасности. Другой его тревогой в те годы была угроза рецидива сталинизма и оживления «красно-коричневых», способных сорвать продвижение страны к демократии. В то же время он никогда не был ярым западником, выступая резко против рыночного фундаментализма и его адептов в России. Его острая публичная полемика с поклонниками «шокотерапии», в которых он видел «большевиков навыворот», создала ему немало врагов – и не только в России. Помню, как весной 1992 г. буквально в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке он дописывал статью «Необольшевики из МВФ», опубликованную через несколько дней в «Нью-Йорк таймс».

Г.А. Арбатов вообще был смелым человеком, не боявшимся говорить горькую правду даже первым лицам руководства страны, которым это, естественно, не нравилось. Характерна траектория его отношений с М.С. Горбачёвым. Началась она, как и для многих из нас, с больших надежд и даже очарования новым необычным лидером. Георгий Аркадьевич тогда много сделал для успешного дебюта Горбачёва на международной арене, начиная с его встречи с Р. Рейганом в Женеве в 1985 г. и первых шагов генсека в мировой политике. «Я уже и не надеялся, что доживу до времени, когда нашим лидером можно будет гордиться», – писал он Горбачёву в конце 1986 г. Но постепенно, по мере нарастания трудностей и необходимости принятия тяжёлых решений росло недовольство нерешительностью и непоследовательностью действий генсека, отсутствием у того твёрдой стратегической линии в проведении реформ, его шатаниями между консерваторами и демократами. Я хорошо помню эту растущую тревогу Г.А. Арбатова по личному общению с ним на рубеже 1990-х годов. Но, оказывается, он не боялся говорить об этом и самому Горбачёву, как видно из его сохранившихся записок – иногда написанных от руки только в один ад-

рес. Сначала это были тактичные советы и предложения (кстати, в этой переписке я обнаружил и несколько своих материалов, которые Георгий Аркадьевич переправлял генсеку, неизменно ссылаясь на их авторство). Потом в записках начала сквозить критика, причём всё более нелицеприятная. Признаюсь, что, даже хорошо зная Георгия Аркадьевича, я не ожидал такой откровенности и смелости, какими пронизаны его письма Горбачёву на закате перестройки. Они написаны с чувством большой боли за происходящее. В начале 1990 г., говоря о нарастании призывов к «спасению государства», к которым присоединился и сам Горбачёв, он пишет: «Мне понятно, почему на государственную педаль так жмут правые, сторонники реставрации доперестроечных порядков. Но когда к этому хору присоединились Вы, то Вы фактически изменили себе и своему делу. Смысл лозунга “Спасай государство!” в данный момент, в данной ситуации не может быть иным, чем “Долой демократию!”». А в конце того же года Г.А. Арбатов пророчески предупреждал президента СССР об угрозе правого переворота, включавшего в себя «экстремистско-фашистский, националистический» компонент, и прямо называл опасных людей в окружении президента. «Коль скоро стратегический курс взят на гуманный социализм, на демократию, на очеловечивание нашей несчастной страны и несчастного общества, поправения допускать никак нельзя – ни в руководстве, ни в обществе, – писал он. – Тем более что регулировать сдвиг вправо, коль скоро он уж наберёт силу (и это показывает кое-какой исторический опыт) не удастся – этот оползень сметёт всех, включая Вас (неужто эти люди Вас когда-нибудь не то, что полюбят, но хотя бы простят?). Не говоря о том, что для действительно правой политики они легко найдут более подходящих людей». В результате в отношениях Арбатова с Горбачёвым наступило резкое охлаждение, к чему приложили руку и недоброжелатели Георгия Аркадьевича в окружении Горбачёва.

Потом та же история повторилась с Б.Н. Ельциным. Поначалу Арбатов, разочаровавшись в Горбачёве, видел в Ельцине более перспективного лидера, который не побоится пойти на решительные реформы для продвижения демократии и рыночной экономики. Во время первой неофициальной поездки Ельцина в США осенью 1989 г. Георгий Аркадьевич попросил меня оказать ему посильную помощь, если потребуется. Для Горбачёва Ельцин тогда был политическим противником, и советское посольство держалось в стороне от его визита. Но наш посол Ю.В. Дубинин с пониманием отнёсся к поручению Г.А. Арбатова и разрешил мне контакт с Б.Н. Ельциным в сугубо личном качестве. Я встретился с Ельциным во время посещения им Конгресса США: его переполняли впечатления от только что состоявшихся встреч в Белом доме. Во время его запланированной встречи с советником Дж. Буша по национальной безопасности Б. Скаукрофтом, на неё заглянули позвать гостю руку сам президент Дж. Буш и вице-президент Д. Куэйл. «Понимаешь – вице-президент, потом президент!» – возбуждённо рассказывал мне Борис Николаевич, пока мы добирались до Сената. Я предложил ему свои услуги, которые в итоге не понадобились.

В 1990 – начале 1991 г. Георгий Аркадьевич пытался склонить его и Горбачёва к примирению, считая их конфликт очень опасным для страны. Но из этого, к сожалению, ничего не вышло. После августовского путча 1991 г. и избрания Ельцина президентом Российской Федерации Г.А. Арбатов продолжал давать ему советы, которые всё чаще расходились с настроением нового президента и его окружения. Во время первого официального визита Ельцина в США (июнь 1992 г.) он попросил меня передать тому своё личное письмо, с которым дал мне ознакомиться. В письме были две основные темы: проблема кадров президентской команды и угроза коррупции. Ельцину предстояло важное выступление на совместном заседании обеих палат Конгресса, и Георгий Аркадьевич хотел, чтобы в нём был взят верный тон. Он советовал Ельцину выступить в роли объединителя страны, не перечёркивающего всё её прошлое и протягивающего руку примирения своим политическим оппонентам. А это значит – не бояться привлекать на руководящие посты опытных работников советского времени (включая коммунистов), ибо других квалифицированных и проверенных кадров в стране просто-напросто нет. Надо менять и своё окружение, писал он, поскольку у Ельцина «есть команда для захвата власти, а не для управления страной». Это поможет предотвратить и расползание коррупции, которая при попустительстве грозит превратиться в настоящую гангрену власти. Очень важно, подчёркивалось в письме, искоренить её в самом начале, пока она не приобрела системного характера. Борис Николаевич сунул письмо в карман и эти разумные советы остались втуне. Вместо этого в своей речи в Конгрессе он обрушился на коммунизм и всё советское прошлое, обещая похоронить его раз и навсегда. Зато эта поза могильщика «империи зла» очень понравилась американской публике.

В дальнейшем Г.А. Арбатов упорно боролся с политикой «шокотерапии» – как в записках Ельцину, так и публично. Он видел, что она ведёт к обнищанию десятков миллионов людей, чревата социальным взрывом и стихийным массовым протестом, который могут оседлать правые силы. Ему претило доктринёрство доморощенных «рыночных фундаменталистов», их равнодушие к нуждам простых людей. Но эти опасения были не ко двору ни в Кремле, ни в Белом доме. Отношения с Ельциным вскоре сошли на нет.

Всё это показывает, что для Георгия Аркадьевича интересы дела были важнее сохранения расположения начальства – редкое качество в любые времена. Власти к нему мало прислушивались, а зря! «Хороший человек в часто плохой системе» – так написал о нём в своей рецензии на английское издание книги «Система» известный американский советолог Стивен Коэн. Кто знает, как сложилась бы судьба этой системы, если бы в ней было больше людей, подобных Г.А. Арбатову.

Владимир Олегович Печатнов,

доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор, почётный профессор МГИМО.